

Н. Долинина

Чем живет человек?

Война началась — она уже перевернула, сломала жизнь тысяч людей, но люди еще не знают об этом, еще живут своими прежними, мирными интересами. Никто еще не понимает, что нынешняя война — не та, какая была в 1805 году, она никого не минует, в ней придется участвовать всем.

Кутузов — тот, кто через несколько месяцев станет во главе всей армии, еще празднично и вольно живет в Молдавии, «проводя дни и ночи у своей валашки», и князь Андрей Болконский раздражает его «своей деятельностью, служившей ему упреком в праздности».

Но в «озабоченно-хлопотливой и несколько честолюбивой и тщеславной деятельности» князя Андрея тоже еще нет того чувства, которое проснется в нем, когда войска Наполеона пойдут по России, подойдут к его дому... Князь Андрей меньше думает о войне, чем о своем горе; измена Наташи «тем сильнее поразила его, чем старательнее он скрывал ото всех произведенное на него действие». И в турецкую армию он попал в поисках Курагина: не найдя его в Петербурге и узнав, что Анатолий уехал в Молдавию, князь Андрей принял приглашение Кутузова ехать туда же.

В поведении князя Андрея не все понятно нам сегодня. Почему он так стремится к дуэли с Анатолом, ведь Наташа не была еще его женой, даже не было официально объявлено о помолвке, ведь он сам много раз повторял Наташе, что она свободна...

Если бы Анатолий женился на Наташе, князь Андрей страдал бы не меньше, и его самолюбие было бы уязвлено тем, что ему предпочли другого, но у него не было бы оснований вызывать Анатолия на дуэль. Теперь же он оскорблен жестоко — и за себя, и за девушку, которую любил: попытка Анатолия увести Наташу — бесчестье для нее. Понимая, что Наташа стала забавой для ничтожного человека, что и его жизнь сломана по прихоти пошлого негодяя, князь Андрей терзается мыслью, что «оскорбление еще не вымещено, что злоба не излита».

Но почему же тогда он не посылает письменного вызова Анатолию, а ищет личной встречи с ним? «Не подав нового повода к дуэли, князь Андрей считал вызов с своей стороны компрометирующим графиню Ростову».

Кодекс чести, по которому живет князь Андрей Болконский, может сегодня показаться устаревшим. Почему он должен заботиться о чести обманувшей его девушки? Какое ему дело до нее, разве она думала о нем, когда собиралась бежать с Анатолом?

Даже оскорбленный, даже униженный, князь Андрей не может унижить женщину. Честь Наташи остается для него священной, он бы себя не уважал, если бы запятнал Наташино имя, он не Анатолий.

Когда Марья Дмитриевна решила скрыть правду от старого графа Ростова и Николая, чтобы не допустить дуэли одного из них с Анатолом, она боялась не только за их жизнь — она считала себя обязанной пресечь разговоры о Наташе.

Когда Пьер ходил по залам Английского клуба и опровергал сплетни о похищении Наташи, он думал о том же: нельзя, чтобы Наташино имя повторялось чужими злыми языками.

Дуэль князя Андрея с Анатолом неизбежно вызвала бы новую волну слухов, а князь Андрей знает твердо: нельзя бросить тень на Наташу. Поэтому положение его так сложно: он не может не отомстить Анатолию, но не должен допустить разговоров о Наташе. Единственный выход для него — личная встреча с Анатолом, ссора, оскорбление; такая дуэль, которая хотя бы внешне не затрагивала Наташу.

Только это волнует его сейчас, только своим мщением он живет. Но война началась — и как бы ни был князь Андрей занят своими страданиями, он просится у Кутузова в западную армию и едет, и по дороге заезжает домой, в Лысые Горы.

А там все, как прежде, и это впервые раздражает князя Андрея: «его странно и неожиданно поразило при въезде в Лысые Горы все точно то же, до малейших подробностей — точно то же течение жизни. Он, как в заколдованный, заснувший замок, въехал в аллею и в каменные ворота лысогорского дома».

Но это только внешнее впечатление — на самом-то деле изменилось многое. «Члены семейства были разделены на два лагеря, чуждые и враждебные между собой...»

Плохо в старом доме Болконских. Князь Николай Андреевич отдалил от себя дочь, он мучает ее и знает это, он чувствует свою вину и пытается оправдаться перед сыном. Но сын не хочет понять отца — впервые в жизни он осуждает его, и разговор кончается ссорой.

Кто прав в этой ссоре, кто виноват? Ведь разлад в семье начался со сватовства князя Андрея к Наташе, — старый князь не верил в Наташу и оказался прав! Эта его трагическая правота до сих пор стоит между отцом и сыном, до сих пор они не простили Наташу друг другу. Ведь это из-за нее у старого князя возникла злобная мысль: если Андрей приведет мачеху Николеньке, пусть и у него будет мачеха. «Женюсь на Бурьен, чем не княгиня!» Наперекор сыну он приблизил к себе Бурьен и отдалил дочь, сын вынудил его на это, а теперь осуждает его!

Но, конечно, о подлинных причинах разлада — ни слова. Старик говорит о бестолковом характере дочери, князь Андрей — о том, что Бурьен — ничтожная женщина...

Поссорившись с отцом, князь Андрей уезжает на войну. Он не думает о войне, он занят мыслями о своем горе, о своем сыне: «Мальчик мой растет и радуется жизни, в которой он будет таким же, как и все, обманутым или обманывающим...» Нет в его душе места войне, он живет в том же мучительном, замкнутом круге мыслей о Наташе и ее измене — так он приезжает в лагерь Баркляя де Толли.

Наташа тоже не думает о войне. Пережив долгие месяцы отчаяния и болезни, Наташа почувствовала, что «молодость брала свое: горе... начало покрываться слоем впечатлений прожитой жизни, оно перестало такой мучительной болью лежать ей на сердце, начинало становиться прошедшим...»

Больше всех помог ей Пьер. Наташа боялась вернуться к жизни: «внутренний страж твердо воспрещал ей всякую радость», и это значит, что она осталась собой — той самой Наташей, которая всегда хотела понять, что плохо и что хорошо, хотела жить правильно и мучилась от сознания, что между нею и Анатоном нет нравственных преград.

Теперь нравственная преграда возникла между Наташей и всеми радостями жизни — она не пела, не смеялась, «все мужчины были для нее совершенно то же, что шут Настасья Ивановна».

Один Пьер мог преодолеть эту преграду, и не потому, что у него вырвались слова о любви к ней: она не верила в серьезность этих слов, считала их простым утешением, но Пьер был ей нужен потому, что он все простил ей за Андрея, что он видел ее не той пропащей, погибшей, какой она сама себя видела, а прежней Наташей.

И Пьер тоже мало думал о войне. Он понял теперь, что любит Наташу, и это стало главным в его жизни. «Ну и пускай такой-то обокрал государство и царя, а государство и царь воздают ему почести; а она вчера улыбнулась мне и просила приехать, и я люблю ее, и никто никогда не узнает этого», — думал Пьер. В нем проснулся тот юноша, которого мы видели когда-то в гостиной Шерер, и кажется: не было этих семи лет ошибок, заблуждений, горестей — этот юноша толкает его, отставного московского камергера, на странные мысли. Пьер пришел к выводу, что ему суждено убить Наполеона. Он вычислил это, всячески обманывая себя, как всегда обманывают себя люди, вычисляющие предсказания своей судьбы, — и теперь он ждет того часа, который должен вывести его из «ничтожного

мира московских привычек... и привести его к великому подвигу и великому счастью». Так он повторяет мысли и чувства, владевшие в прошлой войне князем Андреем, ему грезится свой Тулон, и в мечтах своих он недалеко ушел от шестнадцатилетнего Пети Ростова, который «в последнее время, с товарищем своим Оболенским, тайно решил, что пойдет в гусары».

Но и брат Пети Николай, теперь уже опытный гусар, хотя и участвует в сражениях, до сих пор не понимает, что это за война. Еще недавно он собирался, исполняя волю родителей, выйти в отставку и приехать домой — там ждала Соня, и он радостно думал о тихой деревенской жизни: «Славная жена, дети, добрая стая гончих, лихие десять — двенадцать свор борзых, хозяйство, соседи, служба по выборам!» — все это представлялось ему счастьем; оно отодвинулось начавшейся войной, но Николаю и в голову не приходит, что эта война перевернет всю его жизнь.

Он научился теперь «управлять своей душой перед опасностью. Он привык, идя в дело, думать обо всем, исключая... предстоящей опасности». Как прежде Денисов жалел его, так теперь он жалеет молоденького офицера Ильина, еще не умеющего преодолевать страх. Рассказы участников сражений вызывают в нем теперь то же презрение, с каким когда-то князь Андрей отнесся к его рассказу о Шенграбенском деле: «Ростов... знал по своему и собственному опыту, что, рассказывая военные происшествия, всегда врут, как и сам он врал, рассказывая; во-вторых, он имел настолько опытности, что знал, как все происходит на войне совсем не так, как мы можем воображать и рассказывать».

Жизнь Ростова — и всего полка, где он служит, — идет еще по мирным законам: в комнате, где ночевали офицеры, «раздавался беспричинный, веселый, детский хохот», и даже сражение, за которое Ростов получил Георгиевский крест, не выбило его из привычной колеи. Он взял в плен французского офицера и никак не мог понять, в чем же состоит его подвиг: у офицера было такое «белокурое, молодое, с дырочкой на подбородке и светлыми голубыми глазами... самое простое комнатное лицо». И Ростов еще не умел в этот первый месяц войны видеть в нем врага, он пожалел француза с его «дырочкой на подбородке и светлыми голубыми глазами».

Так медленно, не сразу она входила в жизнь людей, эта война, будущая Отечественная. То, чем живут люди: любовь Пьера и горе Андрея, возрождение Наташи, несправедливость старого князя, мечты Пети, простой быт полка, где служит Николай, — все, чем живут люди, очень важно для них, но скоро все это окажется совсем незначительным перед той страшной силой общей беды, которая надвигается и скоро придвинется вплотную.